

ТОРНТОН

УАЙЛДЕР

*МОСТ КОРОЛЯ
ЛЮДОВИКА СВЯТОГО*

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Торнтон Уайлдер

Мост короля Людовика Святого

«Издательство АСТ»

1955

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Уайлдер Т.

Мост короля Людовика Святого / Т. Уайлдер — «Издательство АСТ», 1955 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-164098-9

Двадцатого июля 1714 года в Перу обрушился висячий мост. Трагедия унесла жизни пятерых человек. Оказавшийся свидетелем катастрофы монах Юнипер видит в произошедшем Божий промысел. Намереваясь понять, почему Господь избрал именно этих пятерых, Юнипер пытается измерить степень благочестия погибших. Но так ли легко однозначно отнести проживших нелегкие жизни людей к заслужившим подобную кару грешникам или же к слишком рано призванным на небо невинным мученикам?

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-164098-9

© Уайлдер Т., 1955

© Издательство АСТ, 1955

Содержание

Часть первая	6
Часть вторая	8
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Торнтон Уайлдер

Мост короля Людовика Святого

© Albert & Charles Boni, Inc. 1927

© Thornton Wilder, 1955

© The Wilder Family LLC, 2002

© Перевод. В. Голышев, 2024

© Издание на русском языке AST Publishers, 2024

Часть первая

Возможно – случайность

В полдень в пятницу 20 июля 1714 года рухнул самый красивый мост в Перу и сбросил в пропасть пятерых путников. Мост стоял на горной дороге между Лимой и Куско, и каждый день по нему проходили сотни людей. Инки сплели его из ивняка больше века назад, и его показывали всем приезжим. Это была просто лестница с тонкими перекладинами и перилами из сухой лозы, перекинутая через ущелье. Коней, кареты и носилки приходилось спускать вниз на сотни футов и переправлять через узкий поток на плотах, но люди – даже вице-король, даже архиепископ Лимы – предпочитали идти по знаменитому мосту короля Людовика Святого. Сам Людовик Святой Французский охранял его – своим именем и глиняной церковкой на дальней стороне. Мост казался одной из тех вещей, которые существуют вечно: нельзя было представить себе, что он обрушится. Услышав об этой катастрофе, перуанец осенял себя крестным знаменем и мысленно прикидывал, давно ли он переходил по мосту и скоро ли собирался перейти опять. Люди бродили как замороженные, что-то бормоча, им мерещилось, будто они сами падают в пропасть.

В соборе отслужили пышную службу. Тела погибших были кое-как собраны, кое-как отделены друг от друга, и в прекрасном городе Лиме шло великое очищение душ. Служанки возвращали хозяйкам украденные браслеты, а ростовщики произносили перед женами запальчивые речи в защиту ростовщичества. И все же странно, что это событие так поразило умы жителей Лимы, ибо в этой стране бедствия, которые легкомысленно именуются «стихийными», были более чем обычны. Приливные волны смывали целые города, каждую неделю происходили землетрясения, и башни то и дело обваливались на честных мужчин и женщин. Поветрия ходили из одной провинции в другую, и старость уносила самых замечательных граждан. Вот почему удивительно, что перуанцев так взволновало разрушение моста Людовика Святого.

Поражены были все, но лишь один человек предпринял в связи с этим какие-то действия – брат Юнипер. Благодаря стечению обстоятельств, настолько необычному, что в нем нетрудно было бы усмотреть некий Замысел, этот маленький рыжий францисканец из северной Италии оказался в Перу, где обращал в христианство индейцев, и стал свидетелем катастрофы.

Тот полдень – роковой полдень – был знойным, и, огибая уступ холма, брат Юнипер остановился, чтобы отереть пот и взглянуть на далекую стену снежных вершин, а затем в ущелье, выстланное темным пухом зеленых деревьев и зеленых птиц и перехваченное ивовой лесенкой. Он радовался: дела шли неплохо. Он открыл несколько заброшенных церквушек – индейцы сползались к утренней мессе и, принимая причастие, охали так, словно сердца у них разрывались. Чистый ли воздух снежных вершин, мелькнувший ли в памяти стих – неизвестно, что заставило его обратить взгляд на благодатные холмы. Во всяком случае, в душе его был мир. Затем его взгляд упал на мост, и тут же в воздухе разнесся гнусавый звон, как будто струна лопнула в нежилой комнате, и мост на его глазах разломился, скинув пять суесящихся букашек в долину.

Любой на его месте сказал бы про себя с тайной радостью: «Еще бы десять минут – и я тоже...» Но первая мысль брата Юнипера была другой: «Почему *эти* пятеро?» Если бы во вселенной был какой-то план, если бы жизнь человека отливалась в каких-то формах, их незримый отпечаток, наверное, можно было бы различить в этих жизнях, прерванных так внезапно. Либо наша жизнь случайна и наша смерть случайна, либо и в жизни и в смерти нашей заложен план. И в тот миг брат Юнипер принял решение проникнуть в тайны жизни этих пятерых, еще летевших в бездну, и разгадать причину их гибели.

Брату Юниперу казалось, что пришла пора богословию занять место среди точных наук, и он давно намеревался решить эту задачу. Одного ему не хватало – лаборатории. Нет, опытных было сколько угодно; невзгоды не обходили стороной его паству: людей кусали пауки, они болели чахоткой, их дома сгорали дотла, и с детьми их случались несчастья, о которых не хочется даже думать. Но эти примеры людских горестей не вполне годились для научного исследования. В них не хватало того, что наши ученые люди называли *контролируемыми условиями*. Несчастье происходило, например, из-за оплошности человека или содержало элемент случайности. В разрушении же моста Людовика Святого явственно видна была рука Промысла. Оно обещало идеальную лабораторию. Здесь наконец-то можно было извлечь Его замыслы в чистом виде.

Нам с вами понятно, что, родись этот план не у брата Юнипера, а у кого-нибудь другого, он был бы плодом законченного скептицизма. Он напоминал попытку тех заносчивых людей, которые хотели гулять по мостовым рая и, чтобы забраться туда, строили Вавилонскую башню. Но для нашего францисканца в этом эксперименте не было и тени сомнения. Он знал ответ. Он просто хотел доказать его – исторически, математически – своим новообращенным, несчастным, косным новообращенным, столь медлительным в вере, что для их же блага в их жизнь вводились страдания. Люди всегда требовали надежных, веских доказательств; в душе человека не иссякнут родники сомнения, даже в тех странах, где инквизиция самую мысль вашу читает в глазах.

Брат Юнипер не впервые пытался прибегнуть к таким методам. Часто в своих долгих путешествиях (спеша из прихода в приход и подоткнув для скорости рясу) мечтал он об экспериментах, которые могли бы пути Творца пред тварью оправдать, например составить полный список молений о дожде и их результатов. Часто стоял он на ступенях своих церквушек, и перед ним на прокаленной улице, преклонив колена, стояла его паства. Часто простирал он руки к небу, произнося слова величественного обряда. Не часто, но несколько раз чувствовал, как нисходит на него сила, и видел облачко, рождающееся на горизонте. Но много раз, неделями, месяцами... однако зачем об этом думать? Не себя он хотел убедить, что дожди мудро соразмерны с засухами.

Вот каким образом в момент катастрофы созрело у него решение. Оно подвигло его на шестилетний труд: он стучал во все двери Лимы, задавал тысячи вопросов, заполнял десятки записных книжек, ища подтверждения тому, что жизнь каждого из пяти погибших была завершенным целым. Все знали, что он работает над какими-то записками о катастрофе, все старались помочь – и сбивали с толку. Кое-кто знал даже о цели его трудов, и у него имелись высокие покровители.

Результатом этого усердия явилась огромная книга, которую, как мы позже увидим, в одно прекрасное весеннее утро публично сожгли на площади. Но сохранился тайный список, и через много-много лет, почти никем не замеченный, он закончил странствия в библиотеке Университета Св. Мартина. Там он и лежит, в шкафу, в тяжелом деревянном переплете, собирая пыль. В книге описаны последовательно все пять жертв катастрофы, собраны тысячи мелких фактов, свидетельств, подробностей жизни, и заключается она возвышенным рассуждением о том, почему именно на этих людях и в этот час остановился Бог, чтобы явить свою мудрость. Однако при всем его усердии брат Юнипер так и не узнал ни главной страсти доньи Марии, ни дяди Пио, ни даже Эстебана. И если я, как мне кажется, знаю больше, разве можно быть уверенным, что и от меня не укрылась пружина пружин?

Одни говорят, что нам никогда не узнать и что для богов мы как мухи, которых бьют мальчишки летним днем; другие говорят, напротив, что перышка и воробей не уронит, если бог не заденет его пальцем.

Часть вторая

Маркиза де Монтемайор; Пепита

О донье Марии, маркизе де Монтемайор, сегодня любой испанский школьник знает больше, чем узнал за все годы поисков брат Юнипер. Не прошло и века после ее смерти, как письма маркизы стали памятником испанской литературы, а ее жизнь и ее эпоха сделались предметом пространных исследований. Но ее биографы отклонились от истины так же далеко в одну сторону, как брат Юнипер в другую: они попытались наделить ее всяческими прелестями, перенести на ее личность и на ее жизнь часть того очарования, которого полны ее письма, — между тем подлинное знакомство с этой удивительной женщиной должно начинаться ее уничижением, отнятием всех достоинств, кроме одного.

Она была дочерью торговца мануфактурой в Лиме, снискавшего богатство и ненависть жителей в окрестностях Пласы. Детство ее прошло несчастливо: она была уродлива, она заикалась, мать донимала ее сарказмами, пытаясь привить ей светскость, и заставляла расхаживать по городу в настоящей сбруе из драгоценностей. Она жила в одиночестве и думала в одиночестве. Соискатели руки явились в изобилии, но она, сколько могла, противилась обычаю времени, решив остаться незамужней. Были истерические ссоры с матерью, взаимные упреки, крики, хлопанье дверьми. Наконец в возрасте двадцати шести лет ее связали узами брака с надменным, но разорившимся представителем знати, и собор Лимы гудел смешками ее гостей. По-прежнему она жила в одиночестве и думала в одиночестве, и, когда у нее родилась прелестная дочь, она обрушила на нее все свое нерастраченное обожание. Но малютка Клара пошла в отца — она была холодна и интеллектуальна. Восьми лет от роду она спокойно исправляла речь матери, а позже стала взирать на нее с безгловым изумлением. Запуганная мать сделалась смиренной и раболепной, но не могла не допекать донью Клару назойливыми заботами и утомительной любовью. Снова были истерические упреки, крики, хлопанье дверьми. Из всех претендентов на руку донья Клара выбрала того, с кем надо было уехать в Испанию. Туда она и уехала — в страну, откуда ждать ответа на письмо приходится полгода. Проводы в столь далекое путешествие стали в Перу официальной церковной службой. Корабль благословили, и, когда полоска воды между бортом и берегом расширилась, обе группы опустили на колени и запели гимн, звучавший слабо и робко под открытым небом. Донья Клара держалась с замечательным самообладанием; мать ее провожала взглядом светлый корабль, прижимая руку то ко рту, то к сердцу. Расплылись и исказились в ее глазах гладь Тихого океана и огромные жемчужины облаков, навеки застывших над водой.

Оставшись в Лиме одна, маркиза все больше и больше замыкалась в себе. Одевалась она все неряшливее и, как многие одинокие люди, разговаривала с собою вслух. Жизнь ее целиком сосредоточилась в пылающем фокусе сознания. Здесь разыгрывались бесконечные диалоги с дочерью, несбыточные примирения, без конца повторялись сцены раскаяния и прощения. На улице люди видели старуху в съехавшем на ухо рыжем парике, с рдеющей от кожного воспаления левой щекой и от дополнительного слоя румян — правой. Подбородок ее никогда не просыхал, губы шевелились беспрестанно. Лима была городом чудаков, но и там эта женщина, которая носилась по улицам и обшаркивала ступени церковей, стала посмешищем. Думали, что она всегда пьяна. Ходили о ней слухи и похуже; кто-то собирал подписи, чтобы посадить ее в тюрьму. Трижды на нее доносили в инквизицию. Ее, пожалуй, и сожгли бы, если бы зять ее не был так влиятелен в Испании и сама она не приобрела друзей в свите вице-короля, которые терпели маркизу за ее чудачества и широкую начитанность. Мучительные отношения матери и дочери еще больше отравлялись денежными недоразумениями. Графиня получала от матери порядочное содержание и много подарков. При испанском дворе донья Клара скоро прослыла

женщиной выдающегося ума. Всех сокровищ Перу не хватило бы ей, чтобы поддержать тот грандиозный стиль жизни, который она избрала. Как ни странно, расточительность проистекала из благородного свойства ее натуры: она относилась к друзьям, к слугам, ко всем интересным людям в столице как к своим детям. И кажется, лишь на одного человека во вселенной не простиралась ее милости. Покровительством ее пользовались и картограф де Блази (посвятивший свои карты Нового Света маркизе де Монтемайор, к безумному веселью придворных в Лиме, которые прочли, что она «украшение своего города и солнце, восходящее на Западе»), и ученый Азуарий, чей трактат по гидравлике был изъят инквизицией как чересчур возбуждающий умы. Лет десять графиня буквально вскармливала все науки и искусства Испании, и не ее вина, что это время не создало ничего запоминающегося.

Года через четыре после отъезда доньи Клары донья Мария получила от нее разрешение посетить Европу. Обе стороны готовились к визиту с возвращенной на угрызениях решимостью: одна – быть терпеливой, другая – сдержанной. Обе не выдержали. Они терзали друг друга и были на грани помешательства от перемежающихся взрывов страстей и приступов раскаяния. Но вот однажды донья Мария поднялась до зари и, отважившись только поцеловать дверь, за которой спала дочь, села на корабль и вернулась в Америку. С тех пор писание писем должно было заместить любовь, непереносимую вживе.

Эти ее письма стали в нашем удивительном мире хрестоматийными текстами для школьников и муравейником для грамматиков. Донья Мария выработала бы в себе гений, не будь он врожденным, – так необходимо было для ее любви вызвать интерес, а может быть, и восхищение далекой дочери. Она заставляла себя выходить в свет, чтобы собирать его нелепости; она упражняла свой глаз в наблюдательности; она читала шедевры родной словесности, чтобы изучить ее действие, втиралась в общество людей, слывших блестящими собеседниками. Ночь за ночью в своем барочном дворце она писала и переписывала невероятные страницы, выжимая из удрученного ума эти чудеса остроумия и изящества, лаконичные хроники вице-королевского дворца. Только мы знаем, что дочь ее лишь мельком проглядывала письма и что сохранением их мы обязаны зятю.

Маркиза была бы изумлена, узнав, что письма ее бессмертны. И все же многие критики обвиняют ее в том, что писала она с оглядкой на потомков, и указывают на письма, где она словно демонстрирует свою виртуозность. Они не могут взять в толк, как это донья Мария, чтобы поразить свою дочь, тратила столько трудов, сколько тратит художник, желая поразить публику. Как и зять, они ее плохо поняли: граф наслаждался письмами, но думал, что, смакуя стиль, он питается всем их богатством, и упускал (подобно большинству читателей) самый смысл литературы, которая есть код сердца. Стиль – лишь обиходный сосуд, в котором подается миру горькое питье. Маркиза была бы изумлена, даже если бы ей сказали, что ее письма просто хороши, ибо такие авторы живут в благородной атмосфере собственного духа и те произведения, что поражают нас, для них почти обыденное дело.

И часами сидела на балконе старуха в причудливой соломенной шляпе, бросавшей фиолетовую тень на ее морщинистое желтое лицо. Часто, переворачивая руками в перстнях страницу, спрашивала она себя почти с улыбкой, не органическим ли пороком объясняется постоянная боль в ее сердце. И представлялось ей, как умелый врач, обнажив этот изношенный престол, увидит метину и, подняв к амфитеатру лицо, крикнет ученикам: «Женщина страдала, и страдание оставило след на строении ее сердца!» Эта мысль посещала ее так часто, что однажды она вставила ее в письмо, и дочь выговаривала ей, что она копается в себе и делает культ из печали.

Сознание, что любви ее суждено остаться без ответа, действовало на ее идеи, как прибой на скалы. Первыми разрушились ее религиозные верования, ибо у бога – или у вечности – она могла просить лишь одного: места, где дочери любят матерей; все остальные преимущества рая она отдала бы даром. Потом она перестала верить в искренность окружающих. В душе

она не признавала, что кто-нибудь (кроме нее) может кого-нибудь любить. Все семьи живут в засушливом климате привычки, и люди целуют друг друга с тайным безразличием. Она видела, что люди ходят по земле в броне себялюбия – пьяные от самолюбования, жаждущие похвал, слышащие ничтожную долю того, что им говорится, глухие к несчастьям ближайших друзей, в страхе перед всякой просьбой, которая могла бы отвлечь их от верной службы своим интересам. Таковы все сыновья и дочери Адама, от Китая до Перу. И когда на балконе ее мысли принимали такой оборот, губы ее сжимались от стыда, ибо она понимала, что и она грешна, что ее любовь, пусть и огромная, объемлющая все краски любви, омрачена тиранством: она любит дочь не ради ее самой, а ради себя. Она силилась сбросить эти позорные путы, но страсть не принимала поправок. И вот на зеленом балконе странные битвы раздирали безобразную старую даму – на редкость нелепая борьба с искушением, которому она и так никогда не имела бы случая поддаться. Могла ли она помыкать дочерью, если та позаботилась, чтобы их разделяли четыре тысячи миль! Тем не менее донья Мария сражалась с призраком искушения и каждый раз бывала побеждена. Она хотела, чтобы дочь принадлежала ей; она хотела услышать от нее слова: «Ты лучшая из матерей»; она мечтала услышать ее шепот: «Прости меня».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.